

Музей Андрея Белого 2019-03-21

Моника Львовна Спивак У нас сегодня большое событие. Было бы, наверное, слишком пафосно сказать, что мы отмечаем 70-летие смерти, у нас очередные Ивановские радения. Всегда очень приятно видеть дружный, бурлящий, беспокойный коллектив, занимающийся Вячеславом Ивановым. Мы смотрим на них с восхищением, потому что это такая заинтересованность и такая страстность в изучении текстов и биографии поэта. И одновременно с некоторым ужасом, потому что у нас в нашем «беловском» болоте все поспокойнее: не так конфликтно, не так страстно.

Реплика: Я бы не сказала.

Спивак: Мы услышим контрмнение. Значит, мы отмечаем этот день очень важным вкладом в культуру, филологию, выходом ряда книг.

И первая книга – это первый том собрания сочинений Вячеслава Иванова, не успела выйти – уже раритет. Книга уже редкая, уже очень ценная. Среди нас нет людей, которые непосредственно работали над созданием комментариев над совершенно неподъемной и непонятной очень детальной текстологией, но у нас здесь есть специалисты и члены редколлегии, Николай Алексеевич и Николай Всеволодович, мы их услышим, и обсудим это действительно сенсационное явление.

Вадим Владимирович Полонский: Дорогие коллеги, это действительно значительное событие для нашей науки и для нашей культуры, выход этих трудов. Мне последнее время приходится часто констатировать очевидное, в частности то, что определенный этап в истории нашей гуманитарной науки, отчасти в истории общества, связано с выдвиганием на первый план той или иной фигуры, представляющей рубеж веков. Было время, когда в качестве такой первенствующей фигуры выступал Брюсов, потом пришло время Блока, и вот уже достаточно давно на нашем ареопаге господствует две центральные фигуры эпохи русского модернизма: это Вячеслав Иванов, Андрей Белый. И сопряжение этих имен, оно очевидно, и далеко не случайно представляем, мы говорим о книгах Иванова и книгах об Иванове в стенах, связанных с Андреем Белым. Выход первого и второго том сочинений Иванова действительно событие очень большое, во-первых, потому что выход начала собрания сочинений писателя-классика, научного собрания сочинений – это всегда событие. И, во-вторых, потому что Иванов – дело особое, я считаю. Я думаю, здесь будут еще сказаны важные слова и о принципах, об особенностях, о специфике этого издания, этого материала. Я ограничусь некоторым общими, опять же констатациями. Что, на мой взгляд, симптоматично важно? В какой-то момент более или менее последовательно стали раздаваться серьезные рефлексии на тему о перспективах, о судьбах жанра больших академических полных собраний сочинений. Эта тема требует отдельного пространного разговора, вряд ли мы сейчас намерены его проводить, но тем не менее, этот поворот вопрошаний, в частности имел результатом последовательную линию, с которой выступает Александр Васильевич Лавров уже несколько лет, предлагая сосредоточить внимание на так называемых «малых» собраниях сочинений. Собраниях сочинений, отвечающих критериям научности, но не претендующих на соответствие тем же русским жанровым

верификационным нормам, которые связаны с традиционными ПАСС, так называемыми. И этот подход, он, в общем, успешно реализуется. Примеры на его реализации мы с вами знаем, и, по крайней мере, Собрание сочинений Волошина, думаю, более-менее знакомо каждому здесь находящемуся в зале. Что же касается этого собрания Ивановского, то я позволю себе о нем говорить отстраненно: не как человек, находящийся внутри коллектива, но как представитель профессионального цеха, для которого это интересно, разумеется. Каким-то образом я слышал, что говорилось вокруг этого собрания, что закладывалось в его основу и прочее-прочее, но в конце концов, когда я получил эти два тома и стал их смотреть, то у меня кристаллизовалось такое очевидное впечатление, которое, может быть, не только у меня возникло, что перед нами успешный синтез двух линий традиционных жанровых требований, предъявляемых к ПАСС, и «малого» собрания сочинения, о котором говорит Александр Васильевич Лавров. Вот успешное соединение этих двух интенций, научной эдиции. По текстологии, по источниковедческой обработке это собрание кажется несколько шире тех рамок, которые кладут себе исследователи, готовящие, собственно, малые собрания сочинений так называемые. В то же время оно свободнее от некоторых ограничителей традиционного порядка, и эта свобода сказывается в частности в специфике комментария, который чаще, чем положено по канону, уходит не в констатацию, а в эвристику, что всегда рискованно, несомненно, что зачастую раздражает ортодоксов академической эдиции, но что более чем уместно в данном случае, имея в виду уровень исследования Иванова, имея в виду еще то большое количество лакун, которые обычно бывают покрыты к началу издания полных академических собраний сочинений. На весь рукописный фонд еще описан, и с этим и с иными вещами, которые так или иначе связаны с тем, о чем я сказал, сопряжено то, что в этих книгах появляется нечто новое. Например, список впервые упоминаемых цитируемых архивных документов, что обычно не предусмотрено академическом жанром собрания сочинений. Я не буду говорить о составе книги. Думаю, здесь найдутся те, кто об этом скажет пространнее и квалифицированнее. Скажу о том, что комментарии сделаны блистательны. Они, конечно, все-таки не однотипны, они готовились разными людьми, и, наверное, проводилась унификация, но слава богу унификация не носила жесткого тиранящего характера. В общем, узнается рука коллеги Кумпан, узнается рука Обатнина, Соболева, но это всегда уровень высокий, качественный, достойный. У меня не было возможности так вникнуть в текст, чтобы попытаться, чтобы отловить там каких-то «блох», найти ошибки и прочее-прочее, может это и будет кем-то осуществлено. Если не будет, будет странно, потому что научная книга, в которой нет ошибок, в которой нечего предъявить, вряд ли она существует. Если существует, она скорее нуждается в памятнике над собой и двумя метрами земли. Жаль, что наших питерских коллег нет с нами здесь и сейчас. Ну, надеюсь, у нас будет возможность еще в ближайшее время с ними повидаться и поздравить их, поприветствовать их, поговорить о перспективах. Отрадно, что этот тип изданий, понятно, не подразумевает четкой привязки к нумерации томов и к четной последовательности их выхода, сопряженной с логикой. Мне кажется, очень удачным ходом начать это собрание с выдающегося по сути памятника русского символизма,

который вершится в период его блистательного рассвета, после выхода которого собственно говоря и возникает разговор о кризисе символизма, о необходимости выхода на некие новые этапы, это глубоко закономерно мне кажется и логично, и хорошо, что именно так было начато это собрание. Какие надежды хотелось бы выразить и поделиться какими, может, опасениями? Общее место. Опять же это утверждение о том, что Иванов - фигура в большой степени герметичная, и в нынешнем мире, мире уже после «восстания масс», в мире глобализма со всеми его издержками, прежде всего с тотальной варваризацией, все меньше и меньше находятся те, кто может выступить квалифицированным адресатом. Даже не провиденциальным читателем, а элементарным минимально квалифицированным реципиентом, который в состоянии воспринять даже некие поверхностные очевидные уровни семантики текста. Это все так, разумеется. Вряд ли ситуация будет меняться к лучшему. Наверное, какой вывод можем из этого сделать? Наверное, ничего более оптимистичного, чем оставаться «последними римлянами», оставаться хранителями этого наследия. Хотя слово «хранитель» здесь – оно слишком пафосное, наверное, не очень оно мне здесь нравится. Что мне внушает опасение? Есть устоявшийся круг исследователей. В его центре блистательные исследователи, исследователи-ивановеды, некоторые из них присутствуют здесь, мы их все знаем, круг этот невелик. Он объемлет единицы людей, в общем, из Москвы, Петербурга, Рима, некоторых еще очень немногочисленных научных центров. Может быть, я не прав и надеюсь, что я не прав и меня поправят, но у меня все-таки ощущение, что он не пополняется. Этот круг остается самим собой, в общем, не меняясь уже десятилетие. Кто-то появляется новый молодой и слава богу, но это единицы совсем, совсем немного. Я не вижу потенциала смены поколения в ивановедении при всем при том, что библиография его трудов ширится, пытаются им заниматься не только те, о ком я сейчас сказал, но вот не происходит качественного перехода на тот уровень, когда человек становится квалифицированным специалистом, способным подхватить линию в научной преемственности, в освоении наследия автора. Было бы еще не так печально, если бы эти слова были справедливы только по отношению к Иванову, но я боюсь, что с той или иной степенью, с теми или иными поправками, в общем, то же самое можно сказать и о Белом, и о Блоке, других центральных фигурах этой эпохи, может быть, далеко не только о них. Вот собственно здесь у меня многоточие, потому что я не знаю, как вырुлить из этой констатации, куда, в какую сторону. Будем надеяться на то, что все-таки прав апостол: «Когда надеемся того, чего не видим, тогда пребываем в надежде»; появление этих новых трудов – знак выхода на эти новые рубежи, и, может быть, маленьким они тиражом издаются, но даже эти единицы могут попасть в руки к тем юным молодым людям, которые через какое-то время все-таки достойно сменят тех, кто вот эту науку, это знание начинал и достойно олицетворяет сегодня. Вот, собственно, пожалуй, все, что я хотел бы сказать.

М. Спивак: Спасибо, грустная нота, но я бы ее сейчас не поддержала, будем себя утешать тем, что работа для вечности - это ничуть не хуже, чем для молодого поколения. А эта книга, в общем, для вечности.

Николай Всеволодович Котрелев: Спасибо большое, многоуважаемые друзья, дамы и господа. Сегодня в истории того узкого круга ивановедов тающего, о котором говорил Вадим Владимирович, памятная дата: сегодня день смерти Сергея Сергеевича Аверинцева, прошу вспомнить молча. Царство ему небесное. Когда я получил зов выступить сегодня, узнав о презентации, я все эти дни уже не короткие во мне, в голове моей, или где еще мысли вертятся, мысли были крайне противоречивые. Это замечательное свершение, и в то же время свершение печальное. Я больше думаю о современности и перспективах в этом углу мировой жизни, чем думает Вадим Владимирович. Когда мы начинали более или менее нечто похожее рисующееся в каком-то далеке издания этого типа с Лавровым, с Гречишкиным, казалось, что вот наступит день, когда издадут Вячеслава Иванова как Достоевского, как Пушкина, и все станет нормально. Оказывается, норма другими средствами создается, и наши труды, кто знает, неплохие, не создали иной эпохи кроме той, в которой жили мы и в которой мы делали нашу работу. Работа эта выполнения блистательно. Труд был, как говорят, подвижнический, великолепный. Он был правильный. Правильно отслежена текстология, правильно многое набросано комментатором из текстов, из вариантов. А комментаторы – сами великолепные знатоки: и Соболев, и Обатнин. Они, так сказать, не замыкают, кажется, нашего поколения, а поколение самодостаточное. Эти книжки будут в руках, несомненно много раз, потому что без них дальнейшая работа над этим материалом просто невозможна, и я бы сказал даже запрещена. Человек, который будет писать о Вячеславе Иванове, не имеет права писать, не прочтя комментариев к этой книге. Потому что вряд ли поймет все, что нужно понимать и знать из контекста ивановской мысли. Замечательно работали Обатнин с Соболевым. Я говорю это с полной ответственностью, поскольку месяца четыре я собирал в томе, в рукописи, материал для рецензии. И, собственно говоря, мои маргинальные пометы и были моей рецензией. Сам факт написать полторы странички, я не помню, может и полстраницы, был ничтожен по сравнению с тем трудом и удовольствием, и восторгом, с которым я свои каракули ставил на полях рукописей. Большой похвалы, чем заинтересованное рецензирование, я не могу придумать. И я опять-таки должен сказать, что это памятник эпохи. Я не верю, что найдутся еще три человека, которые даром, у Ксении Андреевны, обыкновенные, всем известные зарплаты старшего научного сотрудника, а Обатнин и Соболев работали без гонорара, так сказать, от души. Я не верю, что найдутся еще два специалиста, что они сделают еще один том, хотя у нас есть договоренности, и мы работаем. Я там третий над томом неизданных текстов, несобранных текстов Иванова и так далее. Может и получится.

В 1921-ом году исполнялось 700 лет со дня смерти Данте, и в Италии затеяли юбилейное национальное издание собрания сочинений Данте Алигьери. Оно не кончено до сих пор. Как раз малые произведения Данте опубликованы, опубликованы хорошо, по крайней мере, на лет 50-60, которые прошли к тому времени, когда я их взял в руки. А теперь может быть и устарели, поскольку так сказать весь наш цех взрывно развивается. Думаю, что наше издание ближе к типу академического по насыщенности, по наполнению. Оно дальше от Достоевского, Чехова, но

несомненно лучше, чем Горький и так далее, но вот уж у Достоевского все-таки печатается второе издание, исправленное и дополненное. Виртуально существующее полное собрание сочинений живет и обязано развиваться: что-то находится, меняется стилистика мысли комментатора и подачи этой мысли. Знаю по себе, все-таки 50 лет комментирую. Поэтому я поздравляю всех с выходом этой книжки. Простите, что речь моя скорее печальна. Я подчеркиваю, что я торжествую, что теперь можно держать дома такую книжку. Книжка именно академическая: пробовал читать лежа, не получается. Это не развлекательное чтение, не те «Сорок раз женатый», чтение которых моя бабушка упрекала моего папу. Ее возможно читать только за столом.

И сама по себе идея «малого» собрания сочинений, с Александром Васильевичем Лавровым я не раз на эту тему сцеплялся в кулуарах. Это паллиатив, это выдача чего-то, рассчитанного на среднего читателя, удовлетворение первого спроса. Но это не снимает с культуры, если она все-таки продолжает себя так, как культура, в которой мы начинали, я имею в виду не советскую власть, а настоящую культуру, европейскую. Нет, если ей не быть совершенно маргинализованной, то это виртуальное Собрание сочинений, должно время от времени материализовываться, иначе будет не выполнено завершение последней, которая никогда не бывает последней, мазок, удар уже, собственно говоря, даже не удар, а то как Микеланджело полировал поверхность. Спасибо!

Светлана Владимировна Федотова: Дорогие коллеги, хочу сказать также, что сегодня не только память 70-ти лет смерти Иванова, не только 15 лет со дня смерти Сергея Сергеевича Аверинцева, но сегодня еще день рождения Николая Всеволодовича Котрелева, с чем мы его поздравляем, потому что это патриарх нашей науки об Иванове, и мы вручаем вам в качестве маленького подарка третий выпуск книги «Вячеслав Иванов: Материалы и исследования».

Котрелев : Патриарх без бороды – не патриарх. И посоха нет.

Андрей Борисович Шишкин: Латинский патриарх.

Николай Алексеевич Богомолов: Дело, которое здесь происходит, это дело хорошее, и не прийти было бы совершенно такой непристойностью с моей стороны, которой я не хотел допустить.

То, что здесь представлено, пока не стало достоянием моего даже самого поверхностного слоя сознания. Кроме собрания сочинений, которое получено некоторое время назад и которое я успел посмотреть, но и то посмотреть, понимаете, здесь ведь с собранием сочинений понятно становится, когда ты с ним поработаешь. Не когда ты его просто пролистал, где-то чего-то заметил, а вот здесь опечатка, а здесь, может быть, не тот человек упомянут, а когда ты соотносишь текст, нужный тебе, с тем, что тебе объясняют в комментариях. Пока что я этого не делал, и надеюсь, что в какое-то время придется к этому обращаться, и надеюсь что это все будет на том уровне, который вот сейчас представляется готовым. То, что сделано комментаторами и Александром Львовичем, и Геннадием Владимировичем, и Ксенией Александровной и другими, которых здесь надо упомянуть, Татьяной Мисникевич, Аркадием Блюмбаумом ... (кто-то еще есть, не помню, простите, если я кого-то забыл). Это вызывает самое глубокое восхищение, кажется, на таком уровне редко, кто работает, или

работал за последнее время, когда это уже стало возможным доводить до печати, может быть, существуют какие-то эзотерические труды комментаторского порядка, о которых я не знаю. То, что есть здесь, это совершенно замечательная работа, то, как откомментирована первая статья... Сначала один пласт, потом второй пласт, потом третий пласт, который снимается один за другим, и ты его все время выходишь к чему-то новому, к тому, что тебя вызывает на соразмышление и на сочувствие, я не побоюсь этого слова.

Четыре «брюссельские» тома, которые стоят, думаю, у большинства на полке, конечно, никуда не денутся. Они будут там стоять, и мы в них будем заглядывать, будем искать там опору, будем смотреть, что там сделано, что там не сделано. Но здесь, безусловно, все гораздо более ясно, внятно и отчетливо проговорено, потому что то «брюссельское» издание, было в лучшем случае домашним изданием. И Дмитрий Вячеславович, и Ольга Александровна, они делали Вячеслава Иванова таким, каким он представлялся. Они разбивали книги на отдельные части, в середину комментария включали какой-то отрывок из рукописи, страниц на 15, наверное, и далеко не всегда имеющее отношение к тому, о чем идет речь. И в этом прелесть того первого издания, не говоря уже о том, сколько лет мы на него опирались, когда нужно было что-то посмотреть, мы именно туда обращались. Ни к какому другому изданию: ни к двухтомнику большой серии, ни к отдельным каким-то вариантам. Безусловно, оно останется, но то, что начато изданием, презентуемым сегодня, если дойдет хотя бы до тех границ, до которых дошли четыре тома, то это будет очень большое дело. Хотя первые двое выступающих, они стремились говорить о том, что да, есть там какие-то недостатки, прежде всего в устройства нашего сегодняшнего мира, которые мешают нам полностью осуществиться, я думаю, что Иванов к этому руку приложил. Сколько планов, даже на моей памяти, не самого почтенного из ветеранов ивановедения, сколько на моей памяти прошло планов изданий и собрания сочинений, и отдельных томов, но не вышло, в общем, практически нечего такого протяженного. Делались первые шаги, также как сделан сейчас первый шаг, а когда и как будет сделан второй, я не знаю. «Труд этот был страшно громаден, не по плечу одному», а Ксения Андреевна делала это, в общем, практически одна. Насколько я понимаю, Геннадий Владимирович и Александр Львович что-то добирали, доделывали и по замечаниям Николая Всеволодовича и по моим каким-то почеркушкам на полях, но все-таки в основном этим занималась Ксения Андреевна. Трудно так впрямую говорить, что этого хватит и на два тома, и на три, и на пять, а на самом деле ведь 20, наверное, должно быть?

Федотова: Нет, 12.

Богомолов: 12.

Котрелев: Уже и больше.

Богомолов: Если смотреть, если один сборник занимает два тома, то, пожалуй, в 12 томов никак не уложишься. Значит, вот это время, которое разворачивается, оно, в общем, заставляет и нас посмотреть на то, что происходит, вообще говоря, вокруг, с чего начинал Вадим Владимирович и Николай Всеволодович об этом говорил. Ну, и мне тоже, видимо, не миновать этой темы. Еще

студентом я в ученых записках Тартуского университета читал статью, Вячеслав Иванов, профессор Бакинского университета конспектировал ее, и где-то, наверное, этот конспектик лежит. Потом как-то вот прошло время, я получил возможность такого уже собственного, личного консультирования у Николая Всеволодовича, всегда щедрого. В конце концов, то же что-то в этом мире сделал, относящееся к Иванову, а выясняется, что есть люди, которые лет на 15, на 20 моложе меня, и которые делают это на чрезвычайно высоком уровне. Александр Львович Соболев на 20 лет меня моложе, и это меня заставляет, в общем, не так печально относиться к тому, что происходит в ивановедении. В конце концов, текстологов всегда было мало... Как мы когда-то ожидали, что появятся люди, так и сейчас нам остается ожидать, что появятся какие-то новые люди, которые придут и будут работать на этом поле, тем более что нам самим уже этого поля совершенно явно не дойти до конца. Но, дай бог, чтобы следующее поколение до него дошли. Спасибо.

Федотова: Дорогие друзья, ваши замечания по поводу состояния ивановедения, – серьезные и с ноткой грусти, даже тревоги, – безусловно, справедливы, но я хотела бы обратить ваше внимание на говорящее оформление этой книги, его преемственный характер по отношению и к Брюссельскому собранию сочинений, которое, как все помнят, насыщенно-голубого цвета, и к книге «По звездам» (1909) с маркой издательства Добужинского. В обсуждаемом томе эта знаменитая марка инкорпорирована в глубокий синий фон обложки. При этом, заметьте, на марке Добужинского млечный путь, пронизывая башню, находится исключительно внутри треугольника. На новом же издании звезды выходят за границы марки, расширяя свою траекторию на окружающее пространство. В таком оформлении, думаю, есть некая надежда на то, что по звездам Иванова пойдут не только те, кому они уже видны, но и те, кто откроет их для себя впервые и тем самым встроится в небольшую когорту ивановедов в современном контексте. Поэтому будем надеяться. Буквально на днях я узнала, что в МГУ аспирант из Кореи собирается писать диссертацию о Вячеславе Иванове.

Моника Спивак: слушая вас, и я сочувствую и соболезную всей нашей стареющей, бедной стареющей филологии, меня охватывает «древний ужас», когда я вижу эти два тома... Надеюсь, что мой вопрос к знающим людям-ивановедам, не покажется неделикатным: что планируется вторым томом и когда он выйдет? То есть вопрос, в общем, очень насущный, но тем не менее, мне кажется, на него есть ответ вообще в принципе? Что планируется выпустить томом 2 и когда планируется?

Котрелев: по инсайд-информации могу сказать, что реально работа идет, по крайней мере, с того инсайда, в котором я нахожусь, над томом неизвестного номера, включающем несобранный материал, прозаический. Решили это делать все те же трое, плюс я, но работа идет естественно медленно, как один из нас, (не я) сказал: «Ну, меня не торопят, я и не тороплюсь».

Моника Спивак: Отлично, прекрасно. То есть делает тот же коллектив. Я уверена, что они сделают. Я не сомневаюсь в этом. Не знаю когда, но сделают- Да?

Полонский: на этот вопрос мне не смог ответить директор Пушкинского дома Головин. Я могу сейчас позвонить Головину, обрадовать его.

Моника Спивак: с одной стороны завидую сотрудникам Пушкинского дома, потому что в Институте мировой литературы сразу ставят жесткие сроки, которые уже не позволяют расслабиться, том еще не начали делать, но уже знают, когда он выйдет. Значит, с одной стороны «древний ужас» от того, боже мой, вот два этих тома и синяя такая глубина в них, в ней тонешь и непонятно, сможешь ли выплыть. А с другой стороны, надо радоваться: пусть это собрание сочинений никогда не дойдет до конца, или никогда не дает до конца наша жизнь, но у нас есть серьезное академическое издание фундаментальной книги, и это уже очень хорошо. И если бы это было не собрание сочинений, то мы бы праздновали точно также, но, может быть, не столь задумчиво и не столь грустно. Без заглядывания в перспективы. Еще я хотела сказать, что разделяю горечь и печаль ивановедов, но с другой стороны, что хотелось бы посмотреть на эту же проблему с иной точки зрения. Вы говорите, что вас мало. Да вас в 10 раз больше, чем блоковедов, хотя блоковедов должно было быть по всей истории нашей филологии тьмы, тьмы и тьмы, а их нет.

Реплика с места: Почему не печатают Брюсова?

Моника Спивак: нет брүсоведов. И в прошлый раз, когда мы отмечали день смерти Белого, раздался крик отчаяния, почему вы изучаете Белого, а не Брюсова.

Когда минувшей весной была конференция в Смоленске, беловеды чувствовали себя маленькой сиротской с капелькой на фоне этого мощного ивановедческого потока. Мне кажется, что и эта книга, и еще те, про которые Светлана Федотова будет говорить, как раз свидетельствует, что изучение Вяч. Иванова в современном мире одно из самых благополучных и интересных, несмотря на противоречия и скандалы.

Светлана Владимировна Федотова: Да, к семидесятилетию со дня смерти поэта, ивановедение активизировалось. В прошлом году, в 2018-ом году, вышло пять книг. Первая это, конечно, фундаментальная «По Звездам». Вторая книга, о которой я сейчас чуть позже скажу, это третий сборник «Вячеслав Иванов. Материалы и исследования». Третья книга, вышла в Риме, ее название «A realibus a realiora», то есть «от реального к реальнейшему»: это по типу «избранного», на итальянском языке. Тут предпринят современный перевод 28 стихотворений, начиная от самого ранних и до «Римского дневника 1944 года». То есть тут и римская тематика, и религиозная тематика, и теория символа у Иванова.

Шишкин: добавлю, что здесь с нами - один из переводчиков, Джузеппина Джулиано.

Федотова: Четвертая, «Семь сонетов Микеланджело», в переводе Вячеслава Иванова. Ну, а пятая книга (мы ее сейчас не представляем никаким образом, но не можем не упомянуть), это все-таки «спутник» собрания сочинений, это книга переводов Вяч. Иванова «Алкей и Сафо», подготовленные К. Лаппо-Данилевским и Завьяловым.

Спивак: мы говорим: «беловеды», «ивановеды», и вы сами себя выделяете в некую особую эзотерическую общность ... что с одной стороны как бы правильно, и автор такой, и коллектив у вас раздираемый противоречиями и конфликтами, но тем не менее слаженный, но тем не менее, все-таки Вяч. Иванов – это наше общее достояние..

Федотова: Иванов – это «Родное и вселенское», то есть он для всех нас. Переходим ко второму пункту нашей программы, третий сборник «Вячеслав Иванов. Материалы и исследования».

Вообще с выпусками чехарда... Если вспомним, то первый том с таким названием выходил в ИМЛИ в 1996-ом году, он был не на очень хорошей бумаге, но он был замечательный, просто потрясающий. У меня эта книжка просто на листочки вся разлетелась. Вторая книга была подготовлена Гоготишвили и Казаряном, – «Архивные материалы и исследования, это 1999-ый год. Потом в 2010-ом году в Пушкинском Доме в Петербурге вышли еще «материалы и исследования», огромная, толстая зеленая книга с колонной на обложке, она стала первой. В 2016-ом году вышел опять «Материалы и исследования», теперь черно-красном оформлении. Оформлял книгу художник Вячеслав Бегиджанов. Я списалась с художником и предложила ему поменять фон. «Почему две книги будет совершенно одинаковые? Давайте не черный, а темно-синий, скажем». Художник категорически запретил что-либо менять. Пирамидка, вписанная в окружность, как настаивает художник – не просто геометрическая фигура, не просто эстетическое решение, а что это Ивановский мир. Художник ставит проблему: раз это ивановский мир, то здесь колонна, античность. Черный фон, предположим, это ночь, бездна... Меня смущает в этом варианте вот этот красный язычок пламени.... Некая философия здесь заложена, и очевидно, каждый читающий будет прочитывать и решать эту как бы загадку сам, если будет.

Шишкин: О значении колонны мне писал художник так: «Всё, что последовало далее в моей работе над последней поэтической книгой Вячеслава, было производным от этой колонны на обложке, втягивающей пространство или пространства, стремительно распространяющегося из колонны. Это тема всеохватности пространства в его стремлении к самоочевидности. Вот, что там нарисовано, причём пространство распространяется одновременно ТУДА И ОТТУДА»

Федотова: Теперь о создании этой книги. В 2016-ом году в Москве прошла большая конференция, очень большая и интересная конференция, ее организатором был Олег Марченко и московская консерватория – «Музыка – Философия – Культура. Родное и вселенское». После этой конференции в Москве через небольшое время была конференция в Риме с другим названием, ее материалы вышли в 2017-ом году, и в том же 2017-ом году мы стали собирать книгу материалам московской конференции. Структура нашей книги достаточно условна – у Иванова разделить философию от поэзии, философию от музыкальной эстетики очень сложно, но, тем не менее, при желании возможно. Первый раздел – поэзия и философская мысль... обтекаемое название, не строго философия, а философская мысль. Второй раздел – музыкально-театральная эстетика, как раз это главная тематика конференции. Третий раздел – поэтика и стиховедение. Предпоследний раздел – биографика, это блок большой и очень интересный. Если вы помните, была давняя статья, Майкла Вахтеля 1996-ого года: «Вяч. Иванов – Студент Берлинского университета». Несколько лет назад Майкл Вахтель нашел в Германии документы, которые прежде не были выявлены. В частности, тут отзыв Моммзена на диссертацию Иванова.

Интересна статья Александра Соболева «Зубовская пустынь» – история предпоследней московской квартиры Вячеслава Иванова. Здесь дотошно собран материал о том, как искалась квартира, какие были варианты, какие составлялись договор с хозяином квартиры, что перевозили из Петербурга, в каком количестве и так далее. Замечательна работа Елены Глуховой, «Вячеслав Иванов в проектах Наркомпроса: клуб «Красный петух»...

Моя статья – о достаточно известной эпиграмме Иванова на Чуковского, «Чуковский, Аристарх прилежный», написанной в 1919-ом году. И последний раздел, хотя он и называется там «Разное», здесь публикуется крайне важная работа Обатнина, – «Запись Иванова о системе Гуссерля», это очень продуктивная, перспективная тема. И по-хорошему статью Обатнина надо было бы поместить в первый раздел. Но Геннадий Владимирович настаивал на том, что жанр его статьи – заметка, что это только самый первый подход. Есть небольшая публикация К. Ю. Лаппо-Данилевского, переводы Петефи и Андрея Борисовича Шишкина о новонайденном портрете Маргариты Собашниковой, о которой он сам расскажет. В целом третий сборник отражает некий уровень состояния науки, на определенный момент. Можно было бы сопоставить наш сборник теми сборниками конференций, когда начиналось только ивановедение... Первая международная конференция по Иванову, это 1981-ый год был?

Шишкин: это конференция в Йельском университете. В 1986 г. вышел очень представительный и сильный сборник со статьями Томаса Венцлова, Роберта Джексона, Памелы Дэвидсон, Дж. Малмстада. Эти работы отнюдь не устарели.

Федотова: В третьем сборнике «Материалы и исследования» представлены исследователи, которые впервые вошли в ивановедение. Это профессиональные музыковеды. Во втором блоке сборника речь идет о рецепции музыкальных идей Иванова, и переложение его текстов на музыку...

Антонина Григорьевна Грек. В сборнике, как мне кажется, самый удачный и значительный раздел – это раздел про биографию Вячеслава Иванова. Он очень основательный, подготовлен разными авторами и чрезвычайно много материала, который что-то дополняет в поэтической биографии Вячеслава Иванова, что-то говорит о его личности, что-то говорит вообще об эпохе, о культуре, о типе человека этого времени. Я лингвист, но все это прочитала с большим интересом. Вы, Светлана Владимировна, упомянули участие музыковедов. Мне кажется, что ценным является вообще взгляд, на диалог между текстами разных видов искусств. сожалению, На конференции я слушала прекрасные доклады, но не все они вошли в этот сборник. Но и то, что есть, позволяет дистанцироваться и литературоведам, и филологам: как этот материал, как этот текст может быть описан с другой точки зрения. Возможно выйти из герметичности, замкнутости специалистов. Ведь основную часть ивановедов составляют историки литературы, литературоведы, комментаторы. В этом отношении очень много сделано, а вот доля лингвистов, увы, очень мала. Хотя, Вячеслав Иванова очень много сделал в области поэтического языка, расширения его смысла, расширения временной перспективы русского поэтического языка и так далее.. Спасибо всем за это издание и за эти труды.

Марченко: реплика. Действительно на конференции 2016-ого года очень активно выступали музыковеды, как работники Московской консерватории, так и приезжие музыковеды. Сейчас готовится и непременно выйдет том, в котором будут присутствовать избранные доклады нескольких конференций «Музыка – философия – культура», в том числе ряд докладов музыковедов, посвященных Вячеславу Иванову.

Полонский: Дорогие друзья. Эта книга никогда бы не вышла, конечно, если бы не два человека. Но, разумеется, гений огня, воспаляющий любые ивановские начинания, это наш Андрей Борисович, который, собственно говоря, и выступил здесь импресарио, предложим именно ее, Светлану Владимировну, в качестве редактора, собирателей редактора этой книги. Эта идея была поддержана, и надо сказать, что Светлана Владимировна, по-моему, блистательно справилась с этой работой, поскольку том получился по-настоящему хорошим. Благодаря в большей степени присутствующим здесь авторам, но и не в малой степени благодаря тому колоссальному редакторскому труду, который Светлана Владимировна в это вложила. Не могу сказать об одном обстоятельстве. Иванов – автор обязывающий. Обязывающий к уровню даже полиграфической эстетики, так скажем. Характерно, что собрание сочинение выходит в такой замечательной полиграфии. Эта культура книги, отсылающая к реалиям более чем вековой давности, к реалиям той эпохи. Культура книги, взыскующая эрудиции и прочее-прочее, для того, чтобы прочесть некоторую семиотику, которая туда заложена. Книга превосходно издана, но, насколько понимаю, это одна из причин, почему эти книги изданы таким небольшим тиражом. И, насколько понимаю, ожидать изменения этой ситуации трудно. К сожалению, если книга издается так хорошо, она оказывается очень дорогой и зачастую труднодоступной. В общем, это зло сегодняшнего дня. Ножницы, с которыми приходится иметь дело. Вопрос стоял так: или мы делаем совсем небольшой тираж без возможности практической реализации, но делаем его полиграфически шикарным, или все-таки мы эти средства пускаем в возможность дополнительных нескольких сот экземпляров, которые реально могут расходиться. Тогда решение было принято в пользу второго сценария. Я не уверен, что это правильно в случае с Ивановым, но логика здесь была такая именно. Впрочем, если станет вопрос допечатки тиража, может быть, мы сделаем более дорогой вариант.

Федотова: В этой книге есть неизвестный портрет Вяч. Иванова, сейчас Андрей Борисович и расскажет.

Шишкин: В этой книге два неизвестных портрета Иванова. Только недавно я понял, что, пожалуй, не один из персонажей Серебряного века, ни Сологуб, ни Брюсов, даже ни Блок не имели столько прижизненных портретов от больших художников современности. А в случае Вячеслава Иванова... каждое десятилетие его жизни, начиная с его появления на Башне 1905-ого года, каждое десятилетие обозначается двумя, тремя, даже четырьмя портретами больших художников, его современников. Ну самое известное, конечно, это портрет Сомова 1907-ого года. Потом замечательный скульптурный портрет, к которому долго готовилась Голубкина. Перед тем, как приступить к его созданию, она дважды снимала гипс маску с Вячеслава Ивановича.

А сейчас о портрете на форзаце третьего ивановского выпуска. Вот кратко о его предыстории. В 1914 г. Вячеслав в усадьбе «Петровское на Оке» знакомится с Николаем Павловичем Ульяновым и его женой, Анной Глаголевой. И с тех пор Ульянов начинают набрасывать образ поэта, работать над поиском лица Вячеслава. Готовится издание Венгерова «История русской литературы», в 1915-ом году Венгеров заказывает ему портрет Вячеслава для своей «Истории литературы». Ульянов набрасывает один, другой, третий портрет, но они его не удовлетворяют. К этим поискам подключается его жена, Анна Глаголева. Надо сказать, что наследие Глаголевой – а она много работала, — оказалось забытым, неизвестным. Но в 1979 г. неизвестный доброхот прислал для брюссельского издания Вяч. Иванова снимок с ее портрета Вячеслава, и некоторым чудом черно-белый вариант этого портрета был репродуцирован на фронтисписе тома 3 брюссельского Собрания сочинений поэта. Оригинал же в прошлом году нашелся в Музее Пушкинского Дома, только он был приписан не Глаголевой, а Ульянову. Теперь мы репродуцируем его в цвете.

Наверное, это самые печальные для Иванова годы, 1919 или 1920-ый, Москва, голод и безвыходность после октябрьского переворота. А другой портрет поэта, который репродуцируется в третьем ивановском сборнике, принадлежит совсем иной истории. Его автор – Маргарита Сабашникова, о которой известно, что она автор 272-ух портретов. Известен его портрет Ремизова, широко известен ее портрет жены Вячеслава Иванова Зиновьевой-Аннибал, а еще она делала портреты Бердяева, Муратова, Ленина, еще большой группы людей. Около 1907 г. она задумала серию портретов, об этом рассказывается в ее письме к Волошину. Она пишет: «Хорошо бы тебе издать книжечку – семь портретов, Иванов, Кузьмин, Городецкий, Брюсов, Бальмонт, Ремизов, может быть Блок или Белый». Некоторые портреты уже классические - Сомов, а некоторые будут ее. Этот проект не был реализован. В конце 1910-х годов она задумала издать альбом "выдающихся лиц" – своих современников. Об этом проекте она подробно рассказала в своей книге воспоминаний:

«Вячеслав Иванов тоже относился к категории "выдающихся лиц", портреты которых были мне заказаны. <...> Совершенная форма речи, богатство мифотворческой фантазии, искусная диалектика сверкали прежним блеском, но теперь они казались мне лишь оболочкой, за которой я не чувствовала никакой направляющей основы, никакого настоящего зерна. Как кучка пепла походит на пламя, так этот Вячеслав Иванов походил на прежнего. <...>И я хотела нарисовать его таким, каким он мне теперь представился. Но вышло иначе.

Когда пишешь портрет, собственные мысли и чувства молчат. Полностью отдаешься чистому восприятию, и в этом свободном пространстве, в этой, можно сказать, самоотреченности действует нечто другое. Чем дольше работаешь, тем яснее всякая черта лица и все лицо в целом являют тебе закономерности этой индивидуальности, становятся "явлением" истины - красотой. Начинает действовать "объективная любовь" к этому человеку, не имеющая в себе ничего личного, - утверждение его существования в становлении. Есть ли это "ангел" во мне, который таким видит другого, или это "ангел" другого, который хочет таким открыться, - не знаю. Но я слишком часто это переживаю, чтобы усомниться в реальности этой тайны. Так и мой, сделанный красным карандашом рисунок-портрет Вячеслава вышел - в этом смысле - красивым. И я очень жалею, что по воле судьбы, при обыске в типографии и оригинал, и уже готовые клише пропали»

В последней своей фразе Сабашникова ошибается. Клише сохранилось. Не только рукописи не горят. Каким-то чудом в московском архиве сохранился один из оттисков, – странный, мистический – его мы смогли с большим трудом репродуцировать в нашей книге.

Федотова: Это клише, не оригинал, поэтому такое плохое качество. Все возможное для его реставрации было сделано.

Реплика: Так оригинал был карандашный?

Шишкин: красный карандаш утерян.

Реплика: А вот эти пятна? Это дефекты оригинала? Потому что они кажется на самом деле так и должно быть.

Федотова Светлана Владимировна: Клише на железной пластинке. На самом деле кажется, что там они и должны быть. Звезды, да.

Шишкин: наконец несколько слов об итальянской книге, здесь 28 стихотворных текстов Вяч. Иванова. И также перевод «Повести о Светомире» Вячеслава Иванова, который сделал богослов и переводчик с русского на итальянский, отец Стефан Каприо, который часто приезжает и в Москву, и в Питер на конференции, перевод этот должен был делать священник, потому что за внешним пластом скрыты грандиозные богословские коннотации. Только редактируя перевод, я понимал глубину текста «Светомира», который, пожалуй, при простом чтении виден. Предисловие в книге (мы не оставляем разговора о ивановедах), принадлежит *бывшему* ивановеду, отцу Марку Рупнику. Он написал свою докторскую работу о Вяч. Иванове уже тридцать лет назад. С тех пор он ушел из мира науки и стал известным художником, он делает мозаики во всем мире, в Китае, в Панаме, в Италии, поэтому трудно очень было от него получить вступление. Вступление превосходное. В чем-то это такой оригинальный, чисто итальянский взгляд на Иванова. Это к вопросу: как можно на итальянском языке воспринять русского поэта.

Полонский: Можно вопрос, Андрей Борисович? Каким тиражом такого рода книги выходят в Италии? У этой книги какой тираж?

Шишкин: Кажется, тысяча. Книги Вл. Соловьева в этом издательстве выходят тиражом тысячу, но потом второй тираж, а то и третий. Отец Рупник словак. Книги его издательства выходят на языках сербском, хорватском, словенском, имеют свою читательскую аудиторию. Рупник ученик богослова Томаса Шпидлика.

Реплика: А какого типа перевод Светомира, это подстрочник или это свободный?

Шишкин: Это очень точный художественный перевод. Мне пришлось проверять, и в какие-то редкие моменты вступать с переводчиком в дискуссию.

Иван Иванюткин, кандидат философских наук: хотел еще раз обратить внимание на такой символический день: сегодня все совпало: и юбилей Вячеслава Ивановича и день рождения Николая Всеволодовича и день смерти Сергея Сергеевича Аверинцева. И это не просто пересечение в одной

дате, это же еще пересечение биографий, которое для специалистов, занимающихся филологией, очевидно. Я вот один факт только приведу. Николай Всеволодович, как исследователь архива Вячеслава Иванова, был в Баку в советские времена, и привез оттуда целый чемодан книг, которые оказались из архива Вячеслава Иванова. И книги потом естественно распространились по филологическому сообществу. Например, Пиндар, который раньше принадлежал Вячеславу Иванову, был у Сергея Сергеевича Аверинцева в библиотеке.

Спивак: Все из-за того, что нет музея Вячеслава Иванова, иначе все бы собрали.